

18+

Александр Сергеевич
Варцев

ДВОЙНОЕ ДНО

Александр Варцев

Двойное дно

«Издательские решения»

Варцев А.

Двойное дно / А. Варцев — «Издательские решения»,

Две повести, один вопрос: можно ли сохранить себя среди чужих? «Ничей» — трагедия человека, предавшего всех, но не ставшего своим нигде. Он выжил в Парагвае, сдавал своих в Нью-Йорке и двадцать лет притворялся часовщиком, собирая секреты для врагов. «Передел» — драма о том, как за доверие платят бизнесом, а за честь — друзьями. Спустя десятилетия бизнесмен Грачев впускает в дело нового партнёра. Тот обещает недвижимость — а взамен готовит ловушку. Основано на реальных судебных материалах.

© Варцев А.

© Издательские решения

Содержание

Ничей	6
Капитан Карцев	9
Досье	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Двойное дно

Александр Варцев

Редактор Ирина Васильевна Коровина

© Александр Варцев, 2026

ISBN 978-5-0070-8951-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ничей Повесть

Август 1979 года, город N.

Летом здесь нечем дышать. Южное солнце раскаляет асфальт до мягкости, тень от тополей не спасает — воздух всё равно стоит густой и горячий, как в бане. Люди тянутся к воде. Фонтанов в городе много, и к вечеру каждый из них облеплен детворой. Ребятишки с визгом суетятся под струями, взрослые стоят рядом, делая вид, что просто проходят мимо, но тоже тянутся к брызгам.

Фёдоров Николай Петрович сидел на лавочке в тени старого каштана и наблюдал за ребятишкой. На губах его застыла лёгкая, чуть рассеянная улыбка.

Хорошо. Мирно.

Страна живёт без войны уже больше тридцати лет. Дети, которые сейчас визжат под фонтаном, не знают ни голода, ни бомбёжек, ни концлагерей. Растут, веселятся, учатся.

Сын поступил в институт. Геологом будет. Жена уже с утра на кухне — пироги печёт, стол накрывает. Вечером придут друзья. Повод серьёзный.

— Пойди погуляй, — сказала жена. — Не мешай.

Вот он и гуляет.

Фёдоров смотрел на прохожих. Спокойные, уверенные лица. Советские люди. Граждане победившей страны.

Мысли сами собой поползли назад. Война. Концлагерь. Дора. Подземные штольни, где температура не поднималась выше восьми градусов. Трупы, которые увозили каждое утро. А потом — освобождение, американская зона, Нью-Йорк, русский клуб, тоска по родине, страх вернуться, стыд за этот страх.

Прошлое дышало в затылок.

Фёдоров встряхнул головой, прогоняя непрошенные воспоминания.

Вот оно, мирное небо. Бежит мимо стайка девчат — наверное, студентки, как и его Витя. Проходит эсеница с коляской, внук в ней машет ручонками и засыпать не собирается. Солидный мужчина с портфелем — наверное, бухгалтер.

Чужие лица. А кажется — свои.

Он уже собрался вставать и идти домой, помочь жене, как вдруг заметил ещё одного прохожего.

Мужчина лет шестидесяти, сутулый, с тёмными, тронутыми сединой волосами. Лицо скуластое, глаза чуть раскосые, брови тонкие, нос прямой и заострённый. Одет неброско: серый пиджак, потёртые брюки, старые туфли.

Фёдоров привстал. Сердце пропустило удар, потом забило часто-часто.

Этого человека он узнал бы даже среди ночи. Разбуди — назовёт фамилию не задумываясь.

Но увидеть его здесь, в СССР, в родном городе N, — этого Фёдоров не мог себе представить.

Смирнов.

Виктор Иванович Смирнов.

Тот самый.

Фёдоров не раздумывал. Поднялся и пошёл следом.

Смирнов шёл не спеша, глядя себе под ноги. Он никого не узнавал, ни с кем не здоровался — просто шёл, сутулясь, будто нёс на плечах невидимый груз. Фёдоров держался на расстоянии, прячась за спины прохожих. Сердце колотилось, во рту пересохло.

Он знал этого человека по Нью-Йорку. По тем годам, когда сам, бывший узник Доры, не решился вернуться в СССР и осел в Америке. По русскому клубу на Второй авеню, где собирались такие же, как он, — перемещённые, потерянные, тоскующие по родине и боящиеся её.

Смирнов тогда был завсегдатаем клуба. Всегда вежливый, всегда внимательный, всегда слушающий больше, чем говорящий. И всегда — по другую сторону.

Фёдоров узнал правду о нём случайно. Кто-то из эмигрантов, вернувшихся из Парагвая, рассказал: Смирнов работал на тамошние спецслужбы. Его подсаживали в камеры к политзаключённым, он выявлял коммунистов и доносил. А тех расстреливали.

В США он делал то же самое, только без расстрелов. Выявлял инакомыслящих, тех, кто симпатизировал Советскому Союзу. Стучал в ФБР.

И теперь этот человек — здесь. В городе N. Свободно ходит по улицам. И никто не знает, кто он на самом деле.

Смирнов свернул к гостинице «Центральная», толкнул дверь и скрылся внутри.

Фёдоров постоял у входа, переждал с десятков секунд — и зашёл следом.

Фёдоров скользнул в тень за колонну и замер.

Смирнов стоял у стойки администратора, повернувшись к нему спиной. Пожилая женщина в синем халате листала журнал, затем произнесла фамилию и номер:

— Смирнов Виктор Иванович. Номер четыреста двенадцатый, временно.

Смирнов взял ключ, кивнул и пошел к лестнице.

Фёдоров, не выдавая себя, дождался, пока шаги на лестнице стихнут. Сердце колотилось. Он запомнил: комната 412.

Администратор подняла глаза, заметила его.

— Вам кого?

— Извините, ошибся, — сказал Фёдоров и быстро вышел на улицу.

Солнце всё так же пекло. Дети визжали у фонтана. Мирная, беззаботная жизнь шла своим чередом.

А в гостинице «Центральная», в комнате 412, жил человек, который в Парагвае отправлял людей на смерть, а в Нью-Йорке продавал своих же соотечественников.

И никто, кроме Фёдорова, не знал об этом.

Домой Николай Петрович вернулся сам не свой.

Жена хлопотала у плиты. Пахло пирогами. На столе уже стояла посуда.

— Ты чего такой бледный? — спросила жена. — Солнце перегрело?

— Всё нормально, — ответил он. — Я на минутку.

Он прошёл в комнату, закрыл дверь.

Сегодня вечером — тост за сына, за будущее, за мирную жизнь. А завтра...

Завтра он пойдёт.

Фёдоров посмотрел в окно. За стеклом всё тот же августовский день, всё та же спокойная, уверенная жизнь.

— Не бывает чужой земли, — сказал он тихо. — Бывают чужие люди.

Утром он не стал завтракать. Вышел из дома рано, пока жена ещё не проснулась.

Управление КГБ находилось в старом двухэтажном здании на окраине. Фёдоров бывал здесь однажды — когда устав скитаться по чужбине, запросил разрешение вернуться на родину. Тогда он мялся в приёмной, переминался с ноги на ногу и не знал, куда девать глаза.

Сейчас он вошёл твёрдо.

Дежурный поднял голову.

— Вам к кому?

— На приём. По важному делу.

— Запись?

— Нет. Скажите, что гражданин Фёдоров Николай Петрович, резидент, хочет сообщить сведения об иностранном агенте.

Дежурный посмотрел на него внимательно, взял трубку.

Через десять минут Фёдорова провели на второй этаж.

Капитан Карцев

Михаил Александрович Карцев не собирался в органы.

После института его распределили в проектный институт — инженером отдела перспективного планирования энергосистем. Работа оказалась странной: чем быстрее он решал задачи, тем больше начальство хмурилось.

— Ты не гони, — сказал ему однажды старший инженер. — У нас план. Есть сроки. Если сделаешь раньше — кто потом эти дни заполнять будет?

Карцев подчинился. Но бездельничать не привык. Занялся общественной работой, организовал совет молодых специалистов, проводил собрания, выступал с лекциями.

Говорил он хорошо. Ярко, убедительно, с огоньком. Коллеги уважали. Руководство тоже присматривалось.

Спортсменом был отличным — в молодёжную сборную республики по волейболу входил. В шахматы играл, в настольный теннис.

Когда в 1973 году райком комсомола дал ему рекомендацию для службы в органах госбезопасности, никто в институте не удивился.

Карцев прошёл спецпроверку, получил офицерское звание, окончил учебный центр КГБ. Через два года вернулся в родной город уже оперуполномоченным контрразведывательного подразделения.

Первое задание он запомнил на всю жизнь.

— Зайди, — сказал ему тогда замначальника управления полковник Антоненко.

Он вошёл. Начальник сидел за столом, в руках — конверт.

— Читай.

В конверте лежало анонимное письмо. Кто-то сообщал: в Центральной гостинице, на пятом этаже, седьмое окно справа от торца, по вечерам работает радиопередатчик.

— Проверь, — сказал Антоненко. — Тихо. Без шума.

Карцев вышел. Немного подумал и отправился в ту самую гостиницу.

— Здравствуйте, — сказал он администраторше. — Ваш сын со мной учился.

— А, Миша! — обрадовалась женщина. — Давно не заходил.

— Служба, — уклончиво ответил Карцев. — Можно посмотреть, кто у вас на пятом этаже живёт?

Та не стала спрашивать зачем. Показала журнал.

Карцев заранее, по приметам из письма, вычислил номер. Но называть его не стал — попросил данные на весь этаж.

Нужная комната оказалась свободной.

— Откройте, — попросил он дежурную.

В комнате было темно. Дежурная нажала на выключатель.

И тут Карцев всё понял.

Люминесцентная лампа под потолком не зажглась сразу. Она моргала. Три раза. Пять. Десять.

Моргала так, что любой радиолобитель, взглянув на окна с улицы, решил бы: там работают ключом.

Карцев вернулся в управление, зашёл в кабинет к Антоненко.

— Проверил, товарищ полковник. Радиопередатчика нет. Лампа бракованная.

Антоненко слушал, слушал, а потом засмеялся.

— Молодец! Разоблачил диверсанта — сказал он сквозь смех. — Орёл.

Смеялись и другие сотрудники, сидевшие в кабинете. Карцев стоял красный и молчал.

Полковник Громов, начальник отдела, был человеком старой школы. Невысокий, плотный, с седыми усами и усталыми глазами. Он не торопился, не повышал голоса, но каждое его слово резало, как скальпель.

— Заходи, — сказал Громов, когда Карцев появился в дверях.

Карцев вошёл, доложил, сел на стул у стола.

— Читал заявление? — Громов кивнул на папку.

— Так точно.

— Что думаешь?

— Пока ничего конкретного. Только слова. Проверять надо.

Громов помолчал, барабанил пальцами по столу.

— Помнишь своё первое задание? — спросил он неожиданно.

Карцев почувствовал, как к щекам приливает кровь.

— Отлично помню, — сказал он.

— Тогда была ложная тревога. А здесь, возможно, нет. — Громов пододвинул к нему папку. — Смирнов Виктор Иванович. Бывший эмигрант. Сейчас живёт в нашем городе. Задача: проверить всё. Архивы, контакты, образ жизни. Соблюдай строжайшую конспирацию. Если подтвердится — будем решать. Если нет — никто не должен знать, что его проверяли.

— Есть, товарищ полковник.

Карцев взял папку, вышел в коридор. Остановился у окна.

— Ладно, Смирнов, — сказал он тихо. — Посмотрим, что ты за птица.

Досье

В тот же день Карцев разложил перед собой чистый лист. Сверху написал: «Смирнов». Ниже — три вопроса. Кто он? Откуда? Зачем здесь? Ответов не было. Он начал с того, что лежало на поверхности: заявитель. Фёдоров видел Смирнова в Нью-Йорке. Может, помнит что-то ещё. А дальше — архивы. КГБ, МИД, пограничники. Всё, что есть на Смирнова, 1913 года рождения, уроженца Петербурга. И гостиница. Надо понять, кто он сейчас и чем дышит.

Утвердил план у Громова и приступил.

— Начнём с Фёдорова, — решил Карцев.

Встретились в сквере за Дворцом культуры. Карцев не хотел привлекать внимания.

Фёдоров пришёл точно в назначенное время. Был собран, серьёзен, но заметно нервничал.

— Спасибо, что согласились, — начал Карцев. — Я понимаю, прошло много лет. Но постарайтесь вспомнить всё, что вы знаете о Смирнове. Даже то, что кажется неважным.

Фёдоров помолчал, собираясь с мыслями.

Карцев не торопил. Фёдоров сидел, сцепив пальцы, смотрел куда-то в сторону.

— В Нью-Йорке это было, — сказал он глухо. — В начале пятидесятых. Клуб такой был — «Общество дружбы с Советским Союзом». Я туда ходил. И он ходил.

— Часто? — спросил Карцев.

— Постоянно. Всегда в одном и том же углу. Сидел, слушал. Никогда не спорил, не рассказывал о себе. Только слушал.

Фёдоров замолчал. Карцев ждал.

— А потом, — Фёдоров понизил голос, — до меня слухи дошли. От ребят, которые из Парагвая вернулись. Говорили, Смирнов

там на полицию работал. В камеры его подсаживали. Он с людьми разговаривал, а потом доносил. И тех — расстреливали.

Карцев слушал внимательно, не перебивая.

— Вы сами это видели?

— Нет. Но те, кто видел, не ввали. Один парень, Сергей, сам сидел в той тюрьме. Ему повезло — выпустили. А Смирнова он запомнил на всю жизнь.

— Фамилия Сергея?

— Не помню. Он в Австралию уехал. Связь потерялась.

Карцев сделал пометку в блокноте.

— Что ещё?

— В США Смирнов тоже работал. Уже на ФБР. Выявлял тех, кто симпатизирует СССР. Я потом с одним парнем встретился — Ильёй. Он рассказал, что Смирнов его сдал. Были неприятности.

— То есть прямых доказательств у вас нет. Только слова третьих лиц.

— Да, — Фёдоров опустил глаза. — Только слова. Но я этих людей знал. Они не клеветали.

— Я не говорю, что клеветали, — мягко сказал Карцев. — Я говорю — нам нужно больше. Вы не в курсе, где сейчас эти люди?

— Кто-то умер. Кто-то в других странах. Я уже не следил.

Карцев вздохнул.

— Ладно. Спасибо, Николай Петрович. Если вспомните что-то ещё — вот мой телефон.

Он протянул визитку. Фёдоров взял, спрятал в карман.

На следующий день Карцев направился в гостиницу «Центральная». Через своих доверенных людей он узнал, что Смирнов остановился в номере 412 на время ремонта квартиры.

Утром он уходил, а вечером возвращался. Его жизнь была размеренной, и посетители к нему не приходили. Ничего предосудительного за ним не замечали.

Всё просто. Смирнов не прячется, не пользуется чужими документами. Чувствует себя в безопасности.

Вечером Карцев вернулся. Сел на скамейку напротив гостиницы — ту самую, где сидел Фёдоров, — и стал наблюдать.

Около семи часов Смирнов вышел. Сутулый, неказистый, с раскосыми глазами. Направился в сторону парка. Шёл не спеша, ни на кого не глядя.

Карцев пошёл следом, держась на расстоянии.

Смирнов прошёл мимо фонтана, мимо детской площадки, остановился у киоска с газировкой. Купил стакан, выпил. Постоял, глядя на воду. Затем повернул обратно — и скрылся в гостинице.

Ничего подозрительного. Обычный пожилой человек.

Через два дня Карцев снова сидел на скамейке напротив гостиницы. На этот раз с утра.

Смирнов вышел в десять. Не спеша прошёл к киоску, купил газету. Присел на лавочку у фонтана. Достал из кармана маленький блокнот и что-то записал. Карандаш. Короткие, быстрые движения.

Потом спрятал блокнот и пошёл дальше.

«Что он пишет? — подумал Карцев. — Список покупок? Напоминания? Или имена?»

Он не мог проверить — не сейчас. Но запомнил.

Запросы в архивы пришли не сразу.

Первым ответила пограничная служба. Карцев развернул бумагу и прочитал: «Смирнов Виктор Иванович прибыл в СССР 23 августа 1954 года на теплоходе „Победа“ из Нью-Йорка. Сопроводительные документы — реэмиграция. Прибыл вместе с женой, Дышко Клавдией Сергеевной. Следовали к её матери в город Ростов-на-Дону».

Карцев машинально отметил название теплохода. «Победа». Что-то знакомое. Потом вспомнил: тот самый теплоход, который несколько лет спустя снимали в комедии Гайдая. Только в фильме он назывался «Михаил Светлов». На его палубе Андрей Миронов пел про остров невезения.

Карцев усмехнулся. Невезучих дикарей в этой истории хватало с обеих сторон.

Второй ответ пришёл из Министерства иностранных дел:

«Смирнов Виктор Иванович — сын белогвардейского офицера. Родился в Санкт-Петербурге в 1913 году. В 1922—1924 годах вместе с родителями бежал из России в Китай. В Харбине получил китайское гражданство. Дальнейшая судьба родителей неизвестна (предположительно арестованы СМЕРШем в 1945 году)».

Третий ответ оказался самым скудным — из архивов КГБ по линии внешней разведки:

«Смирнов упоминается в нескольких агентурных сообщениях из Нью-Йорка как лицо, поддерживающее контакты с эмигрантскими кругами. Прямых указаний на связь со спецслужбами нет».

Карцев разложил бумаги на столе.

— Мало, — сказал он вслух. — Очень мало.

Оставался ещё один источник, который мог дать больше, — китайские товарищи.

Написал запрос в Министерство государственной безопасности КНР. Вежливо, дипломатично, с благодарностью за сотрудничество. Попросил сообщить всё, что известно о семье Смирновых в Харбине в двадцатые-сороковые годы.

Ответ пришёл через три недели. На русском языке, с печатями.

«Смирнов Иван Иванович, поручик Российской императорской армии, прибыл в Харбин в октябре 1922 года. В 1925—1928 годах служил рядовым в отряде подполковника Нечаева, действовавшем под началом маршала Чжан Цзочана.

— Значит, отец воевал, — пробормотал Карцев. — Не просто бежал, а воевал.

В 1924 году получил китайское гражданство. В 1945 году арестован управлением СМЕРШ и вывезен в СССР. Дальнейшая судьба неизвестна.

Смирнов Виктор Иванович, сын, родился в 1913 году в Санкт-Петербурге. В Харбине окончил русскую гимназию, затем Коммерческий университет. Владел русским, английским, китайским, французским языками. В политической жизни русской эмиграции участия не принимал. После ареста отца в 1945 году покинул Харбин. Дальнейшее местонахождение в наших архивах не отражено».

Карцев перечитал дважды.

— То есть он был обычным эмигрантом, — пробормотал он. — Учился, работал, ни в какие кружки не ходил. А потом вдруг — Парагвай, ФБР, доносы?

Что-то здесь не сходилось.

Параллельно с архивами Карцев занялся тем, что было под рукой, — настоящим Смирнова.

Тот работал в Доме быта. Часовщиком.

Карцев зашёл под видом клиента — нуждался в починке старых настенных часов. В мастерской пахло маслом и металлом. На стеллажах — десятки механизмов: от крошечных женских «Зари» до громоздких будильников.

Смирнов сидел за верстаком, склонившись над чем-то мелким. В руке — пинцет. Луна на глазу.

— Здравствуйте, — сказал Карцев.

Смирнов поднял голову. Посмотрел спокойно, без интереса.

— Слушаю.

— Часы нуждаются в починке. Старые, немецкие. Маятник сбился.

Смирнов взял часы, повертел в руках. Кивнул.

— Хороший механизм. Швейцарский. Но маятник и правда сбился. Бывает.

Он помолчал, не глядя на Карцева.

— Главное в часах — вовремя остановиться. Чтобы не сломать окончательно. Оставьте до завтра.

Карцев забрал квитанцию и вышел.

Фразу он запомнил.

На следующий день Карцев вернулся, но Смирнова в мастерской не было — тот ушёл на обед. Зато удалось поговорить с заведующей Зинаидой Андреевной.

— Виктор Иванович? — переспросила она. — Хороший мастер. Спокойный, вежливый. Никогда не опаздывает. Клиенты его хвалят.

— Давно он у вас работает?

— С 1954 года. Как приехал — сразу устроился.

— А где живёт?

— Здесь же, неподалёку. На улице Парижской коммуны.

Вечером он прошёлся по этой улице. Дом Смирнова стоял в двух кварталах от режимного завода — того самого, почтовый ящик №6. Завод выпускал системы радиоэлектронной борьбы. Секретная продукция. Допуск — в основном по первой форме.

Карцев постоял у подъезда. В одном из окон горел свет.

— Ну что ж, — сказал он тихо. — Будем работать дальше.

Круг знакомых Смирнова ограничивался в основном работниками завода. Он был хорошим часовщиком — специалистов таких в городе почти не осталось. К нему обращались часто. Он никому не отказывал.

И сам иногда просил у работников завода дефицитные радиодетали, которых в магазинах не купишь.

Ближе всех он сошёлся с главным инженером завода Григорьевым Алексеем Алексеевичем. Вместе на охоту ездили, на рыбалку.

А через Григорьева познакомился и с подполковником погранслужбы Быковым Алексеем Петровичем.

По утрам, ровно в семь, соседи видели Смирнова в трусах и майке — он бегал вокруг квартала. Никто другой во всём доме так не делал. На работе его уважали — не за подвиги, а за то, что никогда не подводил. Премировали раз в квартал. В личном деле, которое Карцеву предоставили в отделе кадров, было написано: «Политически выдержан. Морально устойчив». Карцев перечитал эти фразы дважды. Слишком гладко.

На одном из совещаний капитан Зуев предложил Карцеву подружиться с этим самым Быковым. При этом охарактеризовал его с положительной стороны.

Карцев решил подойти к нему через общее знакомство с Зуевым. Узнал, что тот часто рыбачит на городском пруду, и однажды «случайно» оказался там же — с удочкой, термосом и парой бутылок пива. Однако Быков, заметив соседнюю машину со специальным номером, который приметил ещё при въезде, сам подошёл, чтобы познакомиться.

— Ты на службе?

— А ты? — ответил Карцев вопросом на вопрос.

Познакомились. Быков оказался плотным, краснолицым любителем выпить.

Они стали встречаться — то в городе, то на рыбалке, куда ходили по выходным. Разговоры были о службе, погоде и о том, что рыба в этом году плохо ловится. Однажды, похвалившись очередным уловом, Быков сказал:

— У моего знакомого Виктора Ивановича всегда клюёт. Как будто заколдованный. Он хоть и не рыбак, а рыба сама к нему идёт. Сидит, молчит, а рыба так и лезет к нему на крючок.

— Виктор Иванович? — переспросил Карцев, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да, Смирнов. Часовщик из Дома быта. Мы с ним уже лет десять дружим. И часы починит, и по жизни совет дельный даст.

Карцев поддержал разговор, расспросил, чем ещё занимается Смирнов. Быков охотно рассказывал: тот, мол, и по радио всё понимает, и в походы ходит, а сам тихий, скромный, никуда не лезет. Карцев слушал и запоминал. Затем кивнул и перевёл разговор на другую тему.

Но про себя отметил: Смирнов — не просто часовщик. Он радиомеханик. И у него есть доступ к людям, которые работают с секретной аппаратурой.

Через месяц Быков неожиданно позвонил Карцеву.

— Надо посоветоваться, — сказал он. — Дело есть.

Встретились в сквере. Быков был возбужден, говорил сбивчиво.

— Тот друг, про которого я рассказывал... Смирнов... Он в последнее время странный стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.